

Маруся Климова

- САМУИЛ АРОНОВИЧ, в аннотации к вашей последней книге написано, что вы — «литератор». Почему, все-таки, не «писатель»? Это случайно или вы сами сознательно предпочитаете так себя называть?

— Да, сам. Это слово из XIX века, и мне оно очень мило. Когда я писал роман о Писареве, то все время безумно мучился этой корневой тавтологией «писатель Писарев». У меня там есть такой каламбур: «Писатель Писарев пишет о Писемском». Совершенно прав был Олейников, когда сказал, что называть себя писателем — все равно, что говорить: «Я — красавец».

— И тем не менее в одном из своих выступлений вы как-то сказали, что писатель — это скомпрометировавшая себя профессия. Вы имели в виду только советских писателей или же более глубокие процессы, связанные с умиранием литературы?

— О смерти литературы время от времени начинают говорить в каждом столетии, а она все равно существует. Возможно, сама литература дает повод для таких

вы в своей книге пишете только о литературе и живописи, ближе этот призыв. Почему?

— Так уж получилось, что я написал несколько раз о живописи. Отчасти случайно. Я работаю в жанре коротких эссе. И два или три раза случилось такое чудо, когда исполнилось, например, триста или четыреста лет со дня рождения такого-то художника, а советскому специалисту, статья которого должна была отметить этот юбилей, было некогда, он был занят. К тому же для журнала он не мог написать шесть страниц, ему надо было обязательно шестьдесят. В этих случаях статью поручали мне, человеку, который мог написать четыре или пять страниц и тем самым удовлетворить информационный повод.

Но, кроме того, мне когда-то открылось, и я до сих пор помню, что это было очень сильное переживание, связанное с Рембрандтом, что живопись, как, вероятно, и всякое искусство, есть некий путь и не выраженный в слове, но текст. Я, глядя на автопортреты Рембрандта, всегда как бы слышу голос, который мне что-то говорит. Это непостижимо сильное чувство, поэтому я несколько не удивился, когда узнал от некото-

— Вы довольно много и глубоко пишете о поэзии, хотя сами возглавляете в журнале «Нева» отдел прозы. Не кажется ли вам, что сейчас поэзия находится в незавидном положении и древняя иерархия жанров, в соответствии с которой поэзии отводилась главенствующая роль, сейчас как бы перевернута?

— Поэзия находится в жалком положении, у нее мало читателей и ее плохо понимают по целому ряду причин. Во-первых, люди не очень доверяют иррациональному опыту. Кроме того, поэзия настоящая всегда создает свой собственный язык, а вхождение в чужой язык сопряжено с мучительными трудностями. И потом поэзия все-таки представляет человека более значительным, чем каждый из нас теперь себя чувствует. За немногим исключением, когда предпринимаются героические попытки писать стихи от лица так называемого маленького человека. Все-таки в поэзии человек осознает себя человеком с большой буквы, каким-то значительным существом, поэтому здесь в ходу такие слова, как «гений», «судьба»... Один немецкий искусствовед писал о музыке Бетховена, что она публике не очень приятна, ибо надевает на маленького человека какие-то

ЛЮДИ РАЗНЫХ ЛОТКОВ

Самуил Лурье: «Литература — это прислушивание к своему внутреннему голосу»

Независимая газета. - 1998. - 21 янв. - с. 7

разговоров. А что касается слова «писатель», то оно действительно в нашем столетии себя очень скомпрометировало. Его так часто использовали для прикрытия лжи и принуждения, что, мне кажется, сформировались целые поколения людей, которые верят музыке и живописи гораздо сильнее, чем слову.

— Говорят, есть писатели «толстые» и «тонкие»: первые пишут много, вторые — мало. В русской литературе Грибоедов, Тютчев, Веничка Ерофеев были авторами одной книги.

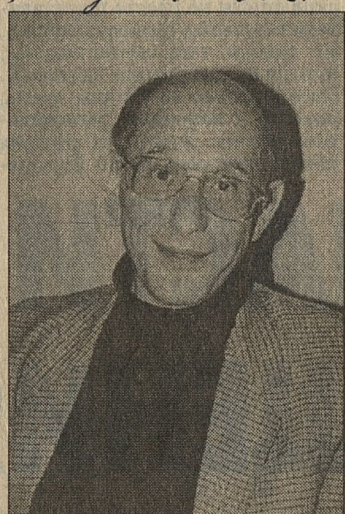
Вы написали сравнительно немного. Почему? Может быть, это связано с тем, что даже из большого количества толстых томов в вечности остается порой всего лишь несколько страниц? Не кажется ли вам, что писатели, пишущие мало, больше обращены к вечности?

— Это хороший вопрос! Действительно, я иногда утешаю себя мыслью, что у самых великих и работоспособных писателей в вечности остается несколько десятков страниц. Возьмите Вальтера — у него из восьмидесяти томов остался всего один, но какой! Я мало написал, и это объясняется не только моей ленью и неспособностью сконцентрироваться на творчестве, но и просто чисто внешними обстоятельствами. На протяжении почти четверти века я писал, твердо зная, что книжка если и выйдет когда-нибудь, то только после моей смерти. Я и предположить не мог, что когда-нибудь цензура прекратится, и эта тональность отчаяния и иронии, которая в ней звучит, окажется не под запретом. Я действительно всегда думал, что эта книга выйдет после моей смерти, и вот тогда уже все поймут, что был такой человек, который писал обо всем, не считаясь с обстоятельствами, и был свободен в своих суждениях. Мне и тогда уже многие, в том числе и достаточно влиятельные люди, говорили, что если я научусь писать каждый день систематически, то меня будут печатать, и проблем у меня не будет. Но я этого не делал, и не потому, что я такой безумный герой, а потому, что писать для меня — не удовольствие, а довольно-таки сильное мучение, связанное с напряжением, прислушиванием к собственному внутреннему голосу. Литература — по крайней мере, как я ее понимаю, и есть прислушивание к своему внутреннему голосу. Я вообще не уверен, что я настоящий писатель. Возможно, настоящие писатели испытывают от процесса письма удовольствие.

— В современном мире в рыночных условиях писатель должен писать в год по книге, чтобы его не забыли. А в советское время писатели вполне могли позволить себе расслабиться и вести, если можно так выразиться, более аристократический образ жизни. Не кажется ли вам, что тогда все-таки были более благоприятные условия для творчества?

— Нет, я честно говоря, так не считаю. Существовала бюрократическая система и была как бы установлена норма, когда каждый член Союза писателей имел право раз в пять лет издать книгу, благодаря чему мы имели огромное количество плохих книг. Что же касается забвения, то это естественное состояние для настоящего писателя. Ведь я пишу о людях забытых и о том, что в их творчестве забыто. И мне кажется, что это постоянное возбуждение памяти, которое возобновляется культурой, осуществляется не государственной политикой, а индивидуальными усилиями отдельных людей и, в частности, усилиями таких внимательных читателей, как я.

— Литература как бы балансирует между живописью и музыкой. Например, Блок черпал свое вдохновение в музыке, а Заболоцкий призывал поэтов «любить живопись». Вам, судя по тому, что

Самуил Лурье.

рых своих друзей-художников, что если им удастся что-то настоящее, или им кажется, что удастся, то потом у них болит гортань. Психологи считают, что, даже когда мы молчим и просто думаем, мышцы и связки в нашей гортани все равно работают так, как если бы мы говорили. Потом я прочитал у Бродского, что душа человека находится в гортани. Так вот, я рассматриваю каждое произведение искусства, как текст. Я думаю, что и сам человек тоже есть некий текст. И живопись я понимаю именно так. О ней мне писать трудно, но все-таки в ней есть какая-то пластическая опора. Мне кажется, что у меня не нашлось бы слов писать про музыку. Честно говоря, я не знаю авторов, которые способны были бы найти словесный аппарат, чтобы описать музыку. Ведь музыка представляет собой текст, уже оставленный словами. И обратит ее в слова необычайно трудно, практически невозможно.

— Среди героев вашей книги встречаются забытые и полужабытые писатели. Однако некоторые значительные фигуры, в частности такие, как Шестов и Розанов, влияние которых, мне кажется, ощутимо в вашем творчестве, почему-то остались за кадром. Почему?

— По правде говоря, у меня не очень-то философский ум. С детских лет и до сегодняшнего дня моим любимым чтением остается русская литература XIX века, все остальное я воспринимаю как производное от нее. Теперь мне бы хотелось написать про некоторых философов, но опять-таки лишь в той степени, в какой они являются литераторами. Есть философы, которые случайно не стали писателями, а могли ими стать. У многих из них были какие-то моменты озарения, как у лирических поэтов, какая-то минута интуитивного понимания абсолютно смысла, и затем практически вся жизнь у них уходила на то, чтобы эту минуту восстановить. Это как первые прозрения Блока. Он потом всю свою жизнь пытался их воплотить, осмеять, снова возвеличить, но все равно осознавал себя человеком, который однажды увидел истину. Такими же, вероятно, были Шестов и Розанов. Но, во-первых, я, как вы, вероятно, успели заметить, стараюсь избегать модных тем, а это слишком модная тема. Во-вторых, писать о настоящей глубине должен только очень умный человек. Своими же предшественниками я считаю людей вроде Фрэнсиса Бэкона Веруламского с его опытами, например, или Чарльза Лэма, писавшего очерки Элли, и вообще всю европейскую традицию эссеистики, которая берет свое начало в древней античной философии. Мне уже давно хочется что-нибудь написать про Эпиктета, того же Фрэнсиса Бэкона или про Монтеня. Да, и еще про Спинозу. Ужасно хочу что-нибудь про Спинозу написать. Если найду слова.

семимильные сапоги-скороходы, в которых он просто утопает, и ручки его едва выглядывают из этих сапог огромных. Думаю, что современный читатель буквально тонет в поэзии, для него это одежда не по росту. На мой взгляд, всегда были, есть и будут только два жанра: поэзия и все остальное. В литературе важно слышать некий ритм, который может осознаваться и передаваться средствами прозы, поэзии, эссеистики... А если человек его не слышит, то созданное им будет беллетристикой, публицистикой, детективом, фантастическим романом, то есть служебной, коммерческой, придаточной литературой. Существуют поэзия и ремесло. Вы можете называть его мастерством, искусством, всем чем угодно. Можно быть плохим поэтом, но настоящим. И наоборот, можно быть необычайно искусным стихотворцем и никаким поэтом. То же самое относится и к прозе.

— Есть ли, по-вашему, будущее у «толстых» журналов, в одном из которых вы сами работаете?

— Да, эти журналы, конечно, влечат сейчас жалкое существование. Но мне почему-то кажется, что будущее у них есть. Потому что они необходимы. У нас страна очень большая и невероятно разобщенная в культурном отношении. Выписывая и читая толстый журнал, человек, живущий в провинции, — а мы таких людей не очень хорошо даже себе представляем, — как бы входит в некоторое поле, узнает, что сегодня читают в прозе и в поэзии, из отдела критики он узнает, что пишут в других журналах, какие выходят книжки и так далее. В противном случае мы останемся посреди чистого поля, где расставлены миллионы лотков, на каждом лотке лежат пятьдесят книг: некоторые лоточки похожи друг на друга, некоторые не похожи — и все. Миллион лотков не обойдешь, и мы все окажемся людьми разных лотков, и нам не о чем будет разговаривать за праздничным столом. А в нашей стране разговоры (мы об этом уже говорили) — это одно из главных наслаждений жизнью, одно из главных проявлений свободы и человечности. На мой взгляд, это стоит сети Интернета, это создает мир отношений, который называется текущей литературой.

— Во время презентации вашей книги вам вручили и премию Вяземского, которую составляют пять сигар, каждая из которых имела особенное значение. Вы их уже выкурили?

— Одну — в первый же вечер, определив для себя (поскольку на них не написано, какая есть какая) как сигару остроумца, так как этого дара мне меньше всего жаль (как-нибудь справлюсь своими собственными силами). А следующую я выкурю в первый же счастливый вечер — счастливый, благополучный, веселый — я выкурю непременно сигару сибарита, ибо очень хочу от нее избавиться. А остальные прибегу, потому что, как знать, не окажется ли последняя сигара действительно последней.

Санкт-Петербург

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Самуил Аронович Лурье — известный петербургский писатель и литературовед, родился в 1942 г. Автор романа «Литератор Писарев» (Л., 1987) и сборника «Толкование судьбы» (СПб., 1994), уже более четверти века работает в жанре эссе. В настоящее время возглавляет отдел прозы в журнале «Нева». Недавно литературный альманах «Urbis» совместно с журналом «Звезда» в серии «Новые записные книжки» выпустил книгу Самуила Лурье «Разговоры в пользу мертвых». Выход книги совпал с вручением автору литературной премии имени Вяземского.